

Был жил Иванушка, не славилсэ,
Не славилсэ Иванушко, преставилсэ.
Оставалось у ёго да цядо милоё...
Как пошла Дунай из земли в землю,
Из земли в землю, из орды в орду,
Как зашла Дунай да к королю в Литву,
Ко тому ли королю да к Ляходимскому

Уж он жил у короля двенацать лет:
Уж он три года у короля да клюшницал,
Уж три года придворницал, за столом сидел,
Уж он три года у короля да золотой козной.

За то король да любил-жаловал,
Королевна молоца паче короля.
А зародился тут у короля почесён пир,
Почесёной пир, похвалиной стол
Ай на тех ли на пановей, улановей,
Ай на тех ли палацей немилостивых,
Ай на тех ли полениць на удалых.

Ише вси на пиру напивалисе,

Ише вси на цёсном наедалисе.
Один сидит Дунаюшка не пьёт, ни ес,
Он ни пьёт, ни ес сидит, ни кушаёт.
Ай да спроговорит король да Ляходимския:
«Уж ты што сидишь, Дунаюшко, не пьёшь, не ешь,
Не пьёшь, не ешь, не кушаёшь?» б
И спроговорит Дунай да сын Ивановичь:
«Я от батюшка осталсэ я малёшенёк,
Я малёшонёк да я глупёшенёк.
А пошла ходить да из земли в землю,
Из земли в землю да из орды в орду;
Как зашла я ходил да к королю в Литву.
Уж как жил у короля двенадцать лет:
Уж я три года у короля да клюшничал,
Уж я три года у короля да при дворци служил,
Уж я три года у короля да за столом сидел,
Уж я три года у короля да золотой козной.
Миня за то король любил-жаловал,
Королевна молодца да паче короля».
Ише тут ети реци королю да не в любви пришли.
Он крыцал-зыцал да зыцьным голосом,

Зыцным голосом, во всю голову:

«Уж вы гой есь, вы пановя-улановя,

Уж вы гой есь, палацы да немилосливы,

Уж вы гой есь, поленици вы удалыя!

Вы берите Дуная за белы руки,

Вы ведите-тко Дуная на широкой двор,

Уж вы путайте в путонцыв шолковыяа

И в други ручны, ножны, заплечныя».

Уж тут брали Дуная за белы руки,

Повели тут Дуная на широкой двор,

Его запутали в путонцы шолковыя,а

Ой в други ручны, ножны, заплечныя.

Как спроговорит Дунай да сын Ивановичь:

«Уж вы гой есь, пановя-улановя,

Уж вы гой есь, палацы немилосливы,

Уж вы гой есь, поленици вы удалые!

Вы ведите меня мимо Настасьино окошоцько».а

Повели Дуная мимо Настасьино окошоцько.

Как спроговорит Дунай да сын Ивановичь:

«Уж постойте, пановя-улановя,

Вы постойте, палацы немилосливы,

Вы постоитe, поленици вы удалыя!»
Так крыцл-зыцл Дунай да зыцным голосом:
«Ты прошай-прости да белой вольнѣй свет!»

Прости, душоцька Настасья королевисьня!
У меня было с тобой упито и уедѣно,
На тесовыя кровати было успано,
На твоих белых грудях было улѣжано».
Ище тут Настасьюшка не слышала.
Он крыцл-зыцл да во второй након,
Он крыцл-зыцл да во третей након:
«Ты прошай-просьти да белой вольнѣй свет!
Просьти, душоцька Настасья королевисьня!
У меня было с тобой упито и уедѣно,
На тесовыя кровати было успано,
На твоих белых грудях было улѣжано».
Пробужалась тут Настасья от крепкаго сна,
А мяталась Настасьюшка по плечь в окно,
А по плечь в окно, ровно по поясу,
Говорила Настасья таковы реци:
«Уж вы гой есь, пановя-улановя,

Уж вы гой есь, палацы немилосливы,
Уж вы гой есь, поленици все удалыя!
Вы ведите Дуная на конюшон двор,
Вы снимайте с ёго путаньци шолковыя, а
Вы други ручны, ножны, заплецьныя».
Повели Дуная на конюшон двор,
А снимали с ёго путанцы шолковыя
Да други ручны, ножны, заплецьныя.
Выходила тут Настасья на конюшон двор,
Выбирала коня да самолучшого,
Дала ёму копьё долгомерное,
Дала ёму плётчатку шолковую. а
Не видали добра молодца сряжающись,
Только видели удалого поедуцись:
Во цистом поли да курева стоит.
Как ехал Дунай день до вецёра
И наехал на бел шатёр полотняной,
Заходил Дунай в шатёр полотняной;
Там сидят два могуция богатыри:
И один-от спит Добрынюшка Микитиць-от,
Другой-от спит Олёшеньког Поповиць-от.

Оне вси тут крестамы покристовались;
Ай Дунай-от на крестовести-то старшой брат.
Ой садились добрыд молодцы да на добрых коней,
Поехали оне во Киёв-град
Ко тому ли ко солнышку Владимиру,
Ко Владимиру стольнѣ-киевську.
Как у солнышка нашего Владимира
Заводилса-зацинался стол, поцесѣн пир
На тех ли на князей, на бояров,
Ай на тех сильных, могущих богатырей,
Ай на тех вдов благочестивых.
Ише вси на пиру да напивалисе,
Ише вси на цѣсном наедалисе;
Как один-от сидит солнышко не пьёт, не ес,
Он не пьёт, не ес, сидит не кушаёт.
Он по новой светлой гривнице похаживат,
Таковыя реци поговариват:
«Ише вси у нас во городи да испоженелись,
И все красныя девици исповыданы;
Как один я, солнышко, холос хожу,

Я холост хожу, нежоната живу.
Выбирайте мне супружину да супротивницу:
А белым лицом была да будто белой снег,
А цёрныма бровямы цёрна соболя,
Ише ясныма оцямы ясна сокола
А и походецька была у ей павиная,
Ай тихая рець да лебединая».
Ише большой-от за среднёго хоронитце,
Ише среднёй-от за меньшого хоронитце,
А от меньшого брата и ответу нет.
Ис того ль из места не из большого,
А и со той скамейки белодубовой
Подымайтце Дунай да на резвы ноги,
Он тихошенько к царю да подьвигаитьце,
Он низёхонько царю да поклоняитьце,
Говорит Дунай да таковы реци:
«Уж ты гой еси, солнышко Владимир наш,
Блаослови-тко миня да слово вымолвить!»
А и спроговорит солнышко Владимир наш:
«Говори-тко ты, Дунай, да и ще те надобно?»
И спроговорит Дунай да сын Ивановичь:

«Уж я от батюшка осталсэ я малёшенёк,
Я малёшенёк, я глупёшенёк.

Я пошол ходить да из земли в землю,
Из земли в землю да из орды в орду.
Как зашла я ходил да к королю в Литву,
Ко тому ли королю да Ляходимскому.
Уж я жил, я жил у короля двенацать лет:
Уж я три года у короля да клюшницял,
Уж я три года у короля придворницял,
Уж я три года у короля да за столом сидел,
Уж я три года у короля да золотой козной.
Миня за то король да любил-жаловал,
Королевна молодца да паче короля.
У ёго есь дьве доцери любимыя:
Как одна-та доць Настасья королевисьня,
Она ездит по цисту полю, полякуёт
Со тема ли полякамы да некрещёныма;
Ей буйныя ветры приовеели,
На ей добрыя люди приобзабздрили.
А и друга доць, Опраксия королевисьня,
Она сидит во новой светлой гривнице,

Сидит она за замоцькымае заморскыма;

Ей буйныя ветры не овеели,

Ей добрыя люди не обзабздрили.ж

Она белым лицём да бутто белой снег,

Она цёрныма бровямы цёрна соболя,

Она ясныма оцямы ясна сокола».

Тут спроговорит солнышко Владимир наш:

«Уж ты гой еси, Дунай да сын Ивановичь!

Ты бери-тко моёй козны бесчётныя,

Ты бери-тко моёй силушки великия,

Ты бери-тко моих коней самолучших,

Поежай ты за Опраксеёй да королевешнёй».

Как спроговорит Дунай да сын Ивановичь:

«Уж ты гой еси, солнышко Владимир наш,

Ты Владимир наш да стольнё-киевської!

Мне не надо твоёй казны бесчётныя,

Мне не надо твоёй силушки великия,

Мне не надо твоих коней самолучших.

Мне-ка дай-ка дьве дружинушки хоробрыя,

Дай-ка два братца два крестовыя:

Одного мне дай Добрынюшка Микитиця,и
А другого дай Олёшеньку Поповиця».
Не видали добрых молодцов сряжающихся,и
Только видели удалых поежающихся,
Во цистом поли да дым столбом стоит,
Дым столбом стоит, да курева стоят.
Приехали во царьсво Ляходимскоё,
Ко ко тому королю да Ляходимскому.
Тут полякуёт Настасья королевисьня
Со тема ли полякамы да некрещёныма.
Оставляют Дунаюшка дружин своих в цисьтом поли,
Ише сам он дружинушкам наказывает:
«Быват, я закрыцю вам зыцьным голосом, —
Вы рубите тотаровей поганных».
Сам поехал в столицю к королю в Литву,
Ко тому ли королю да Ляходимскому.
Привязал коня да ко красну столбу,
Ко красну столбу да к золоту кольцю.
По лестовкам идёт тихошонько,а
Он по сеням-то идёт да помалёшонько,а
Он заходит в полату белокаменну

Ише тут король-от за столом сидит.
А и спроговорит король да Ляходимския:
«Ай ты гой еси, Дунай да сын Ивановичь!
Ай откуль ты едёшь, откуль путь дёржишь?»
А и спроговорит Дунай да сын Ивановичь:
«Уж я еду из города из Киева
От того ли от солнышка Владимира.
А и приехал я к вам о добром деле о святосьве
На твоёй Опракси королевисьни
А и за нашегоа за солнышка Владимира».
Ише тут королю эти речи не в любви пришли,
Не любвик пришли, не оказались:
«Не отдам я своёй Опраксиил да королевисьни
А за вашу-ту веру поганую,з
За поганую да за потельную».м
Ише тут Дунай-от побежалн-от ис полаты вон;
Выбегал Дунай да на бело крыльцё,
Он крыцал-зыцал да зыцным голосом,
Зысьным голосом да во всю голову,
Во всю силу-могуту да богатырьскую:
«Уж вы гой еси, дружья-братья-товариши!

Вы рубите тотаровой поганных».
Ише тут оне вперёд махнут — летят улицей;
Назат отмахнут — да переулками.
Выбегал тут король да на красно крыльце,
Говорил тут король да таковы речи:
«Ушь ты гой еси, Дунай да сын Ивановичь!
Ты уйми своих дружин хоробрых,
Не губи у меня силы по-напрасному.
Я одам тут Опраксю тут да королевисню
За вашёго солнышка Владимир».
Унимат тут Дунай своих дружин хоробрых.

А и пошла тут король во нову гривницю,
Уж он брал Опраксею да за белы руки,
Отдавал тут Дунаюшку-Дунаёвицю.
Тут сядился Дунай да на добра коня,
А Опраксею садил да позади себя;
Поехал Дунай да во цисто поле,
Взял тут с собой Настасью королевисню;
Поехали друзья во Киев-град.
Приехали ко солнышку Владимиру.

Ише тут солнышко их нетерпимо ждёт:
Выходил тут солнышко на широкой двор,
Уж он брал Опраксею да за белы руки,
Цёловал Опраксею да в сахарьни уста.

Пошла тут у царя пир навесельи,
Оне столовали-пировали трои сутоцьки.

Ише вси на пиру да напивалисе,
Ише вси на цёсном да наедалисе,
Ише вси на пиру сыты-пьяны зделались,
Ише вси на пиру да приросхвастались.

Ише тот хвастат и новой новым.
Ише глупой хвастат молодой жоной,а
Неразумной хвастат золотой казной.
А Дунай-от хвастат: «я метной стрелець».п

Ой Настасья хвастат: «я метней тебя».
Ише тут эти речи не в любви пришли,
Не в любви пришли, не оказались.
Уж он брал Настасью за белы руки,
Отводил Настасью во цисто полё.
Спроговорит Настасья королевисьня:
«Уж ты гой еси, Дунай да сын Ивановичь!

Не руби ты у мня по плець голову;
У меня есь с тобой засеяно два ясного два сокола».

Не послушал тут Дунай да королевисьни,
Он отсек у ей да по плець голову;
Он порол у ей да груди белыя,
Он увидел, що засеяно два ясного два сокола.

Да могущия плечи расходилисе,
Богатырьское сердце розгорелосе.
Он и ставил востро копьё в сыру землю,
Он тупым коньцом ставил во сыру землю,
Он вострым-то ставил себе в белы груди.
Ише тут Дунаюшку с Настасьёй славы поют,
Тут Ивановичу с королевисьнёй старины скажут.